

Литературный факт.
2025. № 2 (36)

Научная статья
УДК 821.161.1.0, 802.091
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-253-273>
<https://elibrary.ru/HNDFEQ>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (36), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Вы — мои лучшие друзья в целом свете»: Анна Зегерс и Союз советский писателей

© 2025, А.В. Добряшкина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке» (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Аннотация: Анна Зегерс (1900–1983) — не только ключевая фигура литературы ГДР, но и важнейший участник послевоенного советско-германского диалога — до последнего времени мало интересовала исследователей, как германских, так и российских. На немецком языке ее наиболее полная биография и два тома избранных писем были изданы американским германистом австрийского происхождения К. Цель Ромеро; фундаментальные исследования жизни и творчества Зегерс в отечественной германистике отсутствуют. В настоящей статье представлена история отношений Зегерс с Союзом советских писателей СССР (ССП) в послевоенный период. А. Зегерс регулярно приезжала в СССР по приглашению ССП, Комитета по международным Ленинским премиям или по собственной инициативе, не только с творческими целями, но и на отдых и лечение. Писательница состояла в переписке с большим числом советских авторов и литературоведов (Т. Мотылевой, Л. Копелевым, В. Стеженским, И. Эренбургом и др.). Сотрудничество немецкой писательницы и ССП определялось обеими сторонами как «дружба». На материале сохранившихся в двух архивах (в московском РГАЛИ и берлинском Архиве Анны Зегерс) писем в статье рассматриваются основные линии отношений писательницы с советскими коллегами. Несмотря на то, что в истории послевоенных советско-германских контактов понятие дружбы, будучи идейной доминантой культурной политики СССР, означало деловое партнерство, автор статьи приходит к выводу о действительно теплых и доверительных отношениях между Анной Зегерс и ее советскими друзьями.

Ключевые слова: Анна Зегерс, Т. Мотылева, И. Эренбург, В. Стеженский, Л. Копелев, межкультурная коммуникация, Союз советских писателей, Иностранная комиссия, эмиграция, Общество германо-советской дружбы.

Информация об авторе: Анна Владимировна Добряшкина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>

E-mail: annica@list.ru

Для цитирования: *Добряшкина А.В.* «Вы — мои лучшие друзья в целом свете»: Анна Зегерс и Союз советский писателей // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 253–273. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-253-273>

Анна Зегерс (1900–1983), масштабная фигура в истории немецкой литературы XX в. и символ литературы ГДР, прожила долгую жизнь, половина которой была тесно связана с Советским Союзом и значительная часть которой была проведена в Советском Союзе.

Писательница регулярно приезжала в СССР — чаще всего в Москву или Подмоскowie — не только с творческими целями, но и на отдых и лечение. Однако ее взаимоотношения с гостеприимной советской страной носили особый характер: по воспоминаниям сына, Пьера Радваньи, Анна Зегерс «до конца жизни оставалась преданной своим надеждам» и «верила в социализм» [9, S. 139], но при этом она сохраняла — при молчаливом согласии Союза советских писателей (ССП) — определенную внутреннюю дистанцию к официальным установкам, что позволяло ей в целом чувствовать себя достаточно свободной и в русле собственного творчества, и в общении с советскими коллегами.

Сотрудничество Зегерс с ССП, продолжавшееся долгие годы, определялось обеими сторонами как «дружба». В истории послевоенных советско-германских контактов понятие дружбы, будучи идейной доминантой культурной политики СССР, отличалось подвижностью своих смысловых границ. В 1949 г. воплощением идеи взаимной симпатии и единства интересов стало «Общество германо-советской дружбы (ОГСД)» (Die Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft, DSF), что автоматически возводило в статус «друзей» всех участников непростого послевоенного советско-германского диалога. В 1950 г. в структуре восточно-немецкого Культурбунда появился Союз немецких писателей; в 1952 г., когда он оформился в самостоятельную организацию (Deutscher Schriftstellerverband, Немецкий союз писателей, НСП, 1950–1990) и его возглавила как раз Анна Зегерс (писательница оставалась председателем НСП до 1978 г.), он

стал официальным партнером ССП в проводимой литературной политике. Наконец, в немецком партийном обиходе понятие «друзья» уже давно было общепринятым для коллегиального общения. И все же, если для большинства «друзей Советского Союза», приезжавших из Германии, контакты с ССП носили однозначно деловой характер, то в случае Анны Зегерс, для которой советская мечта рано стала жизненным приоритетом, речь шла (при безусловном осознании прагматической стороны такого партнерства) о действительно очень теплых отношениях с М. Аппетиным, И. Эренбургом, Т. Мотылевой, В. Стеженским, Б. Полевым. Сохранившаяся в архивах, прежде всего, в московском РГАЛИ и берлинском Архиве Анны Зегерс (Anna-Seghers-Archiv), переписка писательницы с советскими коллегами — свидетельство многолетней, по-своему уникальной дружбы.

Первая встреча Анны Зегерс с будущими советскими друзьями произошла довольно рано, на Второй международной конференции пролетарских писателей (7–15 ноября 1930 г.), где она познакомилась с переводчицей Тamarой Мотылевой (1910–1992), ставшей впоследствии ее биографом и постоянным корреспондентом, и юным Львом Копелевым (1912–1997), семья которого незадолго до этого переехала из Киева в Харьков. С Ильей Эренбургом Зегерс познакомилась в 1933 г. в Париже, куда она переехала из нацистской Германии. В следующем году писательница, несмотря на свое тогдашнее увлечение «советской мечтой» (в 1928 г. она вступила в компартию Германии), отклонила приглашение на Первый Всесоюзный съезд советских писателей в Москве, поскольку планировала совершить в это время другую поездку и менять свой маршрут не захотела.

Доверительные отношения А. Зегерс с ССП начали складываться в послевоенный период, в течение не менее пяти лет после ее возвращения на родину из Мексики (1947 г.). Процесс упрочения отношений между писательницей-коммунисткой и Москвой, проходил, на первый взгляд, естественно и просто, однако, скорее всего, ситуация была несколько более сложная. Поколение авторов-эмигрантов, которые провели в СССР в среднем десять лет и составляли Немецкую секцию ССП, после своего переезда в 1945 г. в Германию в определенном смысле ушло в тень. И.Р. Бехер, первый президент Культурбунда, возглавлявший в советской эмиграции Немецкую секцию, жаловался в сентябре 1946 г. в письме С.И. Тюльпанову, начальнику Управления пропаганды СВАГ, на глубокий «кризис доверия» «со стороны русских инстанций» [5, с. 143], который, безусловно, касался не только Бехера, но и остальных немецких авторов-антифашистов, вернувшихся на родину после длительного пребывания

в СССР. Очевидно, что для проведения активной межкультурной политики Союзу писателей были нужны новые лица. Анна Зегерс, воодушевленная идеями социализма, с юности любившая русскую литературу и заинтересованная в сотрудничестве с Москвой, была для такой деятельности подходящей кандидатурой. Поэтому бегство писательницы не в СССР, а сначала во Францию (1933–1940), затем в Мексику (1940–1947) лишь способствовало постепенному установлению и дальнейшему поддержанию диалога с советскими коллегами.

Интересно, что именно этот факт биографии — несостоявшаяся эмиграция в СССР — писательницу не устраивал, поэтому со временем он переродился в миф о желанном, но не получившемся переезде в Советский Союз.

Немецкие исследователи [1, с. 702] ссылаются на воспоминания литературоведа Т.Л. Мотылевой, согласно которым писательница хотела перебраться из оккупированной Франции в СССР. Летом 1940 г. перед отъездом из Парижа Зегерс удалось попасть в советское посольство. «Судьбе было угодно, — вспоминал на склоне лет Пьер Радваньи, — чтобы в посольстве она встретила писателя Илью Эренбурга, которого она знала еще с довоенных времен. Она попросила его передать информацию о ее положении всем друзьям, однако официальные сотрудники посольства сказали ей, что не в их власти переправить ее с детьми в южную зону» [9, S. 51]. Сам Эренбург лишь отметил в своих мемуарах: «Тринадцатого июля в посольство пришла Анна Зегерс. За ней следили, ей грозила смерть. Она просила помочь ей перебраться в “свободную зону”. Львов¹ дал ей немного денег, помог с документами»².

Этот эпизод Зегерс рассказывала и Т. Мотылевой, и Л. Копелеву, добавляя, что Эренбург в июле 1940 г. спас ей и ее детям жизнь. Единственное письменное упоминание советских документов есть в письме самому Эренбургу 1944 г. (это первое письмо в их эпистолярном диалоге): Зегерс благодарила за оформленные для нее визы, которые, однако, прибыли, когда она уже находилась на пути в Мексику³. Т. Мотылева в вышедшей в 1984 г. книге об Анне Зегерс выражала уверенность в ее желании остаться в СССР. Пьер Радваньи встречался с Зегерс в августе 1982 г. в Берлине, за год до смерти

¹ Л.П. Василевский — советский разведчик, полковник госбезопасности, в 1939–1941 гг. — сотрудник посольства СССР в Париже. Его упоминание в издании на немецком языке отсутствует.

² Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Тревога за будущее. М.: АСТ, 2024. Т. 2. С. 293.

³ См. Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Mexiko-Stadt, 6.5.1944. РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 1. Пер. с франц. наш.

писательницы, и «подтвердил, что его мать ходатайствовала о визе на въезд в Советский Союз» [4, с. 190]. Есть все основания предполагать, что Зегерс, даже оформив запрос на визы в посольстве, никогда не собиралась оставаться в Советском Союзе (через полгода после этого эпизода она писала коллеге в Нью-Йорк: «В любом случае мы хотим в Соединенные Штаты» [7, S. 434]), и творческий вымысел о ее несостоявшемся переезде — скорее поздний психологический штрих, добавившийся к советской мечте писательницы в результате долгой дружбы с СССР.

Такое же происхождение имел, по всей вероятности, и миф о спасении Эренбургом семьи Зегерс в оккупированной Франции. Эренбург не был спасителем Зегерс, но именно он стал самым близким из всех ее советских друзей. Помимо человеческого обаяния советского писателя, их сопричастности одним и тем же событиям, объединявших их литературной и общественно-политической деятельности (после войны Эренбург и Зегерс часто встречались на различных конгрессах, участвуя в движении за мир), для А. Зегерс было важно некое общее творческое поле, в котором их историческая реальность переходила на страницы издаваемых произведений. Не удивительно, что стимулом к многолетней переписке послужил роман Эренбурга «Падение Парижа», о чем Зегерс сообщала Эренбургу в 1944 г., находясь еще в Мексике: «Он произвел на меня такое сильное впечатление, что я сразу же должна Вам написать, а это то, что я давно собиралась сделать»⁴.

Вполне возможно, что мифологизация Эренбурга даже была своеобразным творческим ответом писательницы на его роман. Еще более сильное впечатление на А. Зегерс произвело десятилетия спустя чтение второй части мемуаров Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь. (1923–1941)», переведенной в 1965 г. на немецкий язык⁵. Писательница нашла в книге, в которой Эренбург продолжал «любящими глазами»⁶ (mit liebenden Augen) оживлять дорогих ему людей, помимо множества общих знакомых, также теплое воспоминание о себе: «Мне понравилась сразу Анна Зегерс, взбалмошная, очень живая, близорукая, но все замечавшая, рассеянная, но великолепно помнившая каждое оброненное слово»⁷.

⁴ Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Mexiko-Stadt, 6.5.1944 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 1.

⁵ *Ehrenburg Ilja*. Menschen, Jahre, Leben / Übers. von Alexander Kaempfe. München: Kindler Verl., 1965. 600 S.

⁶ *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Под колесами времени. М.: АСТ, 2023. Т. 1. С. 28.

⁷ *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Тревога за будущее. Т. 2. С. 33. В нем. переводе А. Кэмпфе: «Anna Seghers gefiel mir auf den ersten Blick: kapriziös, quicklebendig, kurzsichtig

Анна Зегерс восприняла воспоминания советского автора не просто как свидетельство симпатии или короткий фрагмент своей биографии, а как почти собственные воспоминания. Диалог с Эренбургом для Зегерс — это случай своеобразной эстетической коммуникации, в которой была важна не столько передача информации (их переписка отличалась в общем-то низкой степенью информативности), сколько причастность к общему творческому процессу:

Илья, я очень взволнована твоей книгой, твоей биографией. Это действительно памятник эпохе. Роді⁸ говорит: и ты тоже. И все люди, которые упоминаются в этой книге, я говорю особенно о войне в Испании, о Великой войне и о времени после, то есть о периодах, которые я пережила сама, и я знаю тех же людей, которые снова оказались рядом со мной, во второй раз, потому что я испытываю те же чувства, что и автор. К сожалению, я не способна выразить свои чувства точнее на французском языке⁹.

Переписка с Эренбургом, тем не менее, велась именно на французском языке. Эренбург владел французским вполне хорошо, Зегерс знала его значительно хуже, в ее письмах много ошибок, неудачных формулировок и синтаксических конструкций. Как замечал исследователь ее творчества В.Д. Седелник, Зегерс могла бы писать по-немецки, который немного понимал Эренбург, а он ей уже по-французски, и оба могли бы более точно выражать свои мысли [6, с. 462]. Однако Зегерс предпочитала плохой французский, который ее не столько сковывал, сколько позволял придавать имевшимся в ее распоряжении языковым средствам более глубокий смысл, и, по всей видимости, Эренбург понимал этот смысл.

Если помощь Эренбурга была некоторым художественным преувеличением, то помощь Союза писателей была совершенно реальной.

Переписка с М. Апплетиным, заместителем председателя Инокомиссии, началась не позднее 1942 г. «Мне бы очень хотелось поддерживать с Вами общение»¹⁰, — писала Зегерс в августе 1944 г., восстанавливаясь после серьезной нейрохирургической операции (полученная травма давала о себе знать всю последующую жизнь)

und dennoch hundertäugig, zerstreut und trotzdem eines jeden ausgesprochenen Wortes eingedenk» (S. 11).

⁸ Муж Анны Зегерс, Ласло Радваньи (Radványi László, 1900–1978).

⁹ Anna Seghers an I.G. Ehrenburg. Berlin, 22.5.1966 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 31. Пер. с франц. наш.

¹⁰ Зегерс — Апплетиноу, Мехико, 14.8.1944 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 506. Л. 7. Пер. с нем.

и находясь, как и все немецкие авторы-эмигранты в Мексике, в очень тяжелом материальном положении. По всей видимости, именно издательские перспективы — возможность перевода на русский язык успешного романа «Седьмой крест» — побудили писательницу сообщить Аплетину, что осенью 1946 г. она, покинув Мексику, сначала поедет в Москву и только потом в Германию. При этом возвращаться в Германию через СССР на советском судне с немецкими коммунистами (П. Меркером, В. Янкой, А. Абушем и др.), которые недавно продемонстрировали внутривластьный раскол, писательница отказалась. Ей было важно сохранять статус независимого, признанного автора, кроме того, она стремилась попасть во Францию: во-первых, чтобы увидеться с недавно уехавшим туда сыном, во-вторых, чтобы просто оказаться в стране, где ей хотелось бы жить. Американскую транзитную визу Зегерс смогла получить с трудом, несмотря на свою известность в Америке: «Седьмой крест» был там не только опубликован, но и экранизирован (поэтому на США снова возлагались большие надежды). В Москве писательницу так и не увидели, ни в 1946 г., ни в 1947 г., хотя в феврале 1947 г., находясь уже в Швеции, она запрашивала в посольстве советскую транзитную визу для возвращения на родину через СССР и виза была одобрена.

В СССР Зегерс приехала только через год, весной 1948 г., с первой послевоенной делегацией немецких писателей и деятелей культуры по приглашению ССП. Несмотря на прекрасные характеристики членов делегации, все участники, кроме руководителей группы, вызывали те или иные сомнения в своей благонадежности. Среди них была и Анна Зегерс, тяжело переносившая свое возвращение на родину и не скрывавшая своего нежелания там оставаться.

Писательница, шокированная состоянием Германии и немцев, недавно узнавшая о смерти матери в немецком концлагере, обеспокоенная судьбой мужа Ласло Радваньи, оставшегося в Мексике, поселилась в западной части Берлина и, сохранив свое мексиканское гражданство, старалась при любой возможности ездить во Францию, где учились ее дети.

Много лет спустя, в июле 1965 г., когда Л. Копелев встречался с А. Зегерс в Берлине, он ошибочно истолковал ее воспоминание о ее кризисе того периода и первой послевоенной поездке в Москву, выраженное фразой на смеси немецкого и французского «*Ich war so degouté vor allem*» [3, с. 113]¹¹, как негативное впечатление от по-

¹¹ Перевод в сноске в книге Копелева имеет грамматическое расхождение с произнесенной фразой. Правильно: «*Ich war so degouté vor allem*», что переводится, как и указано: «Мне было все так отвратительно».

сещения СССР¹². В действительности эта поездка, хотя, конечно, и не решила все проблемы, связанные с реэмиграцией, позволила писательнице почувствовать себя «сильной и радостной»¹³, открывала в переломный момент ее жизни новые горизонты, в том числе, предлагала ей участие в международном движении за мир.

В случае «дружбы» Зегерс и ССП можно говорить об изначальной установке советской стороны на создание оптимальных условий для жизни и творчества немецкой писательницы. Советские структуры были готовы во всем идти навстречу и оказывать писательнице любую помощь, в том числе такую, которая не была нормой в советско-немецкой коммуникации (подобные исключения делались, пожалуй, только для братьев Манн).

Весной 1948 г. Зегерс оставила в Москве две рукописи для издания на русском языке («Седьмой крест» и «Мертвые остаются молодыми»), причем «Седьмой крест», уже переведенный к тому времени на русский с английского издания (в журнале И.Р. Бехера "Internationale Literatur" роман был частично опубликован на немецком языке в 1939 г.), Зегерс настойчиво рекомендовала перевести заново — с языка оригинала. Вместе с тем именно этот роман был упомянут в ее почти идеальной характеристике как вызывающий сомнения: «В США эта книга разошлась в количестве 400 тысяч экземпляров. Книга, имевшая большой успех, страдает некоторой идеализацией “хороших немцев”»¹⁴.

Сразу после возвращения делегации в Германию К. Симонов, в то время заместитель генерального секретаря ССП, обратился к А.Я. Вышинскому, заместителю министра иностранных дел СССР, с просьбой ускорить возвращение в Германию Ласло Радвани, преподававшего в мексиканском университете. В августе 1948 г. писательница была приглашена во Вроцлав на Первый Международный конгресса деятелей культуры в защиту мира, который ставил перед ней новые цели. Тогда же у Зегерс появилась еще одна просьба, к А. Фадееву, — перевести гонорар за ее публикации на парижский счет, и в этот раз Союзу писателей пришлось обращаться к В. Молотову. После публикации «Седьмого креста» Зегерс действительно получила деньги в Париже.

¹² Этот фрагмент дневника Копелева до сих пор дает повод исследователям ошибочно связывать слова о депрессии с впечатлениями от Советского Союза. См., напр.: [1, с. 707].

¹³ Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Berlin, 2. 1967 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 37. Пер. с франц. наш.

¹⁴ Справка о делегации немецких писателей и деятелей культуры, прибывающих в СССР 7 апреля 1948 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 537. Л. 23.

СССР с его отзывчивыми коллегами, возможностью издавать книги и даже отправлять гонорары за них за границу (что позволяло Зегерс и помогать переехавшим во Францию детям, и самой жить во Франции) становился, по сравнению с разочаровывающей писательницу послевоенной Германией, символом идейной и материальной стабильности. О высокой степени воодушевления путешествием в СССР свидетельствовала и новая мечта Зегерс, о которой она говорит с А. Дымшицем и А. Фадеевым и пишет К. Симонову — встретиться в Москве сразу со всеми членами своей семьи. Воплотить последнюю мечту Анне Зегерс так и не удалось, однако члены ее семьи в разное время были радушно приняты в Москве.

В последующие годы Анна Зегерс много времени проводила в СССР. ССП принимал активное участие в судьбе писательницы, которая из-за мужа и его общения в Мексике с оппозицией В. Ульбрихта, оказалась на родине в эпицентре внутрипартийных конфликтов. В марте 1950 г. стало известно о том, что Зегерс получит Сталинскую премию мира, это обеспечивало ей значительную неприкосновенность в ГДР; в том же месяце она была избрана действительным членом Немецкой академии наук; в июле она сменила место жительства и поселилась в Восточном Берлине; осенью 1950 г. Л. Радваньи получил визу на въезд в ГДР; в Москве 19 марта 1951 г. Анне Зегерс торжественно была вручена золотая медаль академиком Скобельцыным¹⁵. В 1952 г. Л. Радваньи наконец-то переехал в ГДР, и в том же году Зегерс отказалась от мексиканского гражданства в пользу гражданства ГДР. Уже в следующем году, когда лауреатами Сталинской премии стали Эренбург и Бехер, в день присуждения премии Эренбургу Зегерс выступила с речью, отмеченной в газете «Правда»¹⁶. В 1954 г. в связи со смертью немецкого писателя Б. Келлерманна Анна Зегерс сама вошла в Комитет по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами», что позволяло писательнице чаще приезжать в Москву и в меньшей степени зависеть от приглашений ССП.

Несмотря на все симпатии советских коллег, именно к этому же периоду 1950–1952 гг. относятся обсуждения двух произведений писательницы, вызвавших довольно критические отзывы. В мае 1950 г. состоялось заседание Инокомиссии, посвященное роману «Мертвые остаются молодыми», которое проводил консультант по немецкой

¹⁵ Вручение международной Сталинской премии немецкой писательнице Анне Зегерс // Правда. 1952. 20 марта, № 80.

¹⁶ Вручение международной Сталинской премии советскому писателю Илье Эренбургу // Правда. 1953. 8 янв., № 28.

литературе В.И. Стеженский, будущий друг А. Зегерс. В момент обсуждения теплых отношений с писательницей еще не было, поэтому именно от него поступило первое замечание относительно романа. Стеженский указывал на нечеткие акценты в вышедших критических статьях, в том числе публициста Альфреда Канторовича, давнего соратника писательницы, который считал «заслугой то, что она не осуждает и не восхваляет своих героев, показывает их как бы по ту сторону добра и зла»¹⁷. С точки зрения Стеженского, это не могло быть достоинством романа, к тому же, если «враждебный лагерь изображен более выпукло и ярко», то, «напротив, такой видный герой книги, как подпольщик и руководитель антифашистской борьбы Мартин лишен живых человеческих черт. Это очень схематичный и блеклый образ»¹⁸. Тем не менее Стеженский высказался за издание книги, но с соответствующим комментированием во вступлении всех названных моментов. Интересно, что наиболее резкая критика исходила от двух присутствовавших на заседании немецких коллег, все еще остававшихся в Советском Союзе: немецкая пролетарская писательница Берта Ласк (вернулась в ГДР в 1953 г.) полностью поддержала Стеженского, выразив сожаление, что Зегерс, как и многие, боится «делать какие-то политические утверждения»¹⁹. Немецкий автор Франц Лешницер (вернулся в ГДР в 1959 г.) взял слово последним и с помощью переводчика заметил, что «не следует также очень захваливать этот роман, так как это может привести Зегерс к Достоевщине, к увлечению психологизмами и углублению в психологические детали»²⁰. Эти выпады были сглажены советским литературоведом И.М. Фрадкиным, который назвал роман случаем редкого исторического ясновидения:

Зегерс прекрасно понимает социальную, классовую природу фашизма. Это не является комплиментом для писателя-коммуниста, но то, как она умеет эту историческую и ясную концепцию превратить в ткань художественных образов, — это можно сказать с уверенностью, до нее не удавалось ни одному немецкому писателю²¹.

Очень ценным было и указание Фрадкина на то, что «немецкие товарищи еще до сих пор <...> не сумели должным образом

¹⁷ Стенограмма заседания Иностранной комиссии по обсуждению романа Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми» // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 548. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 22.

²¹ Там же. Л. 5.

осветить свою историю за период с 1933 до 1945 г.»²², поэтому некоторые требования к книге Зегерс он считал исторически некорректными: нельзя было, например, показать в изображаемый период доминирующую роль коммунистов и руководящую роль партии, поскольку сопротивление не было массовым и партия была подпольной.

Второй случай обсуждения с пристрастием касался новеллы «Возвращение» («Die Rückkehr»), начатой писательницей в 1948 г. и законченной в 1950 г. О степени досады, вызванной требованием ССП внести в произведение существенные изменения, свидетельствует письмо Зегерс (написанное на не особо элегантном французском языке предположительно во время болезни) Эренбургу, который навещал ее в Берлине и с которым этот инцидент, по всей видимости, горячо обсуждался:

Еще я забыла у тебя кое-что спросить насчет той проклятой немецкой новеллы, о которой мы с тобой говорили. Наши друзья серьезно требуют от меня, чтобы я выпустила страницы, где немецкие солдаты маршируют по Москве, не упоминала их. Мне говорят, что теперь напоминать об этих прошлых делах — мешать работе в защиту *мира*. Все же считаю, что, поскольку мы занимаемся не только ангелами, то хорошая работа в защиту мира — напоминать людям, как закончилась война, которую против нас развязали²³.

Среди документов РГАЛИ это единственное свидетельство возмущения писательницы действиями советских коллег во имя «дружбы» и мира. Еще раз эта новелла будет упомянута в письме В. Стеженскому:

В сборнике новелл, который выйдет только в январе (издание задерживается по вине типографии, ибо у меня давно уже все было готово), Вы найдете и для себя кое-что новое, например, новую редакцию новеллы «Возвращение», без шествия военнопленных по улицам Москвы. Вы увидите, что в этом сборнике многое переделано²⁴.

²² Там же. Л. 6.

²³ Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Berlin, 1951 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 34, 34 об. Пер. с франц. наш.

²⁴ Зегерс — Стеженскому. Берлин, 3.12.1952 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1323. Л. 16. Пер. с нем. В. Стеженского.

Первое сохранившееся в РГАЛИ письмо к Стеженскому датируется 29 июня 1951 г. Оно также открывает переписку Зегерс и Стеженского, включенную австрийско-американской исследовательницей Кристиане Цель Ромеро [7, S. 388] в немецкое двухтомное издание избранных писем Анны Зегерс.

Владимир Иванович Стеженский (1921–2000), бывший военный переводчик и литературовед, занимал в Инокомиссии должность консультанта по немецкой литературе. В его обязанности входило множество компетенций, связанных с современной литературной жизнью Германии: составление «материалов по Германии» (сейчас они хранятся в РГАЛИ), чтение новых произведений, проведение литературных вечеров, переписка с авторами, сопровождение их во время визитов в Советский Союз. В случае А. Зегерс, к которой в ССП все относились с большой симпатией, В. Стеженский, хорошо образованный и деликатный, выполнял свою работу на том высоком уровне, на котором профессионализм переходил в человеческую сердечность (это слово особенно часто употребляется в обширной переписке Зегерс и ССП).

Дружеские отношения между Зегерс и Стеженским складывались в течение многих лет. Начало их сотрудничества представляло собой исключительно деловое партнерство. Судя по корреспонденции 1951–1952 гг., писательница не сразу смогла понять ту роль, которая отводилась консультанту Инокомиссии в их межкультурной коммуникации. В своих письмах Зегерс использует испанское слово «пистолеро» в качестве иронично-шутливого прозвища Стеженского. Однако при первом обращении писательницы к Стеженскому в этом титуле советского охранника-германиста гораздо меньше метафорического смысла, чем может показаться. Зегерс очевидно предлагает не метафору, а иллюзию метафоры, употребляя «пистолеро» в буквальном смысле, правда, одновременно удивляясь той любезности и предупредительности, с которой к ней отнесся контролирующий ее представитель ССП.

Предупорой Pistolero, вы были ко мне так внимательны, что было бы глупо благодарить вас с официальными церемониями. Все ваши советы, начиная от замечаний по моим рабочим планам до выбора детских книг и почтовых марок, и маленьких шоколадок, на которых изображены белки, были так хороши, правильны и любезны. К сожалению, нас теперь разделяют большие расстояния. Я прошу также

передать мою благодарность и привет товарищу Аппетину и друзьям, которых я не видела²⁵.

Зегерс делится со Стеженским своими планами, останавливается, иногда вполне подробно, на творческих проблемах, часто упоминает факты личной жизни. Постепенно, сначала неуверенно, в письма начинают просачиваться просьбы:

Некоторое время тому назад я получила русскую инсценировку «Седьмого креста» <...>. Я действительно не знаю, удачна ли эта инсценировка или, напротив, ничего не стоит. Я думаю, что очень важно, чтобы инсценировка была сделана добросовестно. Может быть, это и так, но я не могу об этом судить. Не знаю также, входит ли в Ваши служебные обязанности заботиться об этом. Может быть, Вы посмотрите сами, может быть, Тамара Мотылева²⁶.

Письма Стеженского, по сравнению с письмами Зегерс, всегда выдержаны в достаточно строгом, но доброжелательном тоне, кроме того, это всегда именно ответы на полученную корреспонденцию. Стеженский иногда делится своим впечатлением от прочтения ее новых книг, однако это односторонние замечания, в переписке Зегерс и Стеженского дело никогда не доходит до обсуждения литературного материала, как это было, например, в переписке с Л. Копелевым.

Событием, сблизившим представителя Инокомиссии ССП и его подопечную, к тому времени председателя СНП, стала смерть Сталина, которая, как опасалась А. Зегерс, могла внести нежелательные изменения в международное движение за мир. Если Эренбургу Зегерс писала именно об этом: «...необходимо больше, чем когда-либо, сплотиться друзьям, получившим премию мира²⁷, усилить их ответственность и самоотдачу друг другу и нашему движению»²⁸, — то Стеженский получил от писательницы весьма эмоциональное признание в симпатии и выражение благодарности Союзу писателей:

²⁵ Зегерс — Стеженский, Берлин, 29.6.1951 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 8. Л. 115. Пер. с нем. В. Стеженского.

²⁶ Зегерс — Стеженский, Берлин, 17.6.1952 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1323. Л. 6. Пер. с нем. В. Стеженского.

²⁷ Имеются в виду писатели, получившие Сталинскую премию мира, с которыми дружила Зегерс: Жоржи Амаду (1951) и Пабло Неруда (1953).

²⁸ Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Berlin, 15.3.1953 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 3. Пер. с франц. наш.

Милый, дорогой товарищ Стеженский!

<...> Прошедшую неделю я больше, чем когда-либо, думала о Вас, дорогой товарищ Стеженский. Когда такое горе, то особенно хочется думать о людях, которые чувствуют то же самое, что и я, о людях, которые в работе и жизни помогают друг другу.

<...> Вчера я получила посылку от Аппетина и благодарю вас. Я благодарю вас от всего сердца за все то, что вы сделали для меня в Москве и всегда для меня делаете. Вы – мои лучшие друзья в целом свете²⁹.

1950-е гг. были, пожалуй, временем самого насыщенного общения с Союзом писателей. Б. Полевой, посвятивший в 1954 г. немецкой коллеге свой рассказ «Улыбка друга», заканчивал свои письма витиевато, с явным удовольствием свидетельствуя о коллективной симпатии к писательнице:

Передаю Вам от Ваших многочисленных московских друзей и почитателей целую охапку самых сердечных приветов, а от моей жены и семейства особенные. Низко кланяется Вам генеральный консул по делам немецкой литературы великолепный Владимир Иванович Стеженский, который, наверное, не переведет этой фразы на немецкий язык со свойственной ему скромностью, но я полагаю, Вы прочтете ее по подлиннику, а также свидетельствует Вам свое почтение министр Иностранных дел Союза советских писателей Михаил Яковлевич Аппетин, Ваш старейший и добрый друг³⁰.

Зегерс, помимо прочих поездок в СССР, участвовала во Втором (15–26 декабря 1954) и Третьем (18–23 мая 1959) съездах советских писателей. Летом 1955 г., по просьбе писательницы, ССП включил ее дочь Рут, получившую в Париже медицинское образование и переехавшую в ГДР, в группу, совершившую поход в Кавказские горы. Письмо, в котором Зегерс благодарила Аппетина, было самым теплым за всю историю их переписки:

Вы не можете себе представить, как много значило для Рут (а тем самым и для меня) ее пребывание в Советском Союзе. Но Вы понимаете, как я рада, что отныне наш товарищ Аппетин стал

²⁹ Зегерс — Стеженский, Берлин, 13.3.1953 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1340. Л. 3. Пер. с нем. В. Стеженского.

³⁰ Полевой — Зегерс, Москва, 15.11.1954 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1350. Л. 31. Машинописн. копия.

для моей дочери не только определенным понятием, но человеком, который навсегда останется в ее сердце. Она рассказывает о Вас больше, чем Вы могли бы себе представить, и преисполнена к Вам благодарности и даже нежности. Я не знаю, написала ли она Вам уже, во всяком случае я хочу Вам сказать об этом.

Меня огорчает, что Вы, вероятно, имели много хлопот с ее приездом. Я не знала об этом и мне очень жаль, что у Вас было столько сложностей и что Вы потеряли столько времени.

К сожалению, я еще никогда не видела цветов «за окном у товарища Аплетина». И в этом году я их тоже не увижу, ибо приеду в Москву только после нашего Съезда писателей, в декабре на заседание Комитета по международным Сталинским премиям³¹.

В эти годы Стеженский уже не столько сопровождал писательницу в качестве «пистолеро», сколько помогал ей в ее творчестве: искал материалы, направлял запросы в музеи, занимался организацией поездок Зегерс в Ясную Поляну, когда она писала эссе о Л. Толстом, в Коломну и Ленинград, когда она писала о Ф. Достоевском. Последние письма, хранящиеся в РГАЛИ, относятся к 1960 г. Сравнение с избранными письмами, составившими двухтомник К. Цель Ромеро, позволяет предположить, что в московский архив были переданы официальные письма, в то время как письма более частного характера — а со временем их становилось все больше, поскольку переписка представителей двух Союзов писателей постепенно превратилась в дружескую переписку с обращением на «ты» в 1970-х — остались в Архиве Анны Зегерс в Берлине.

Письма 1960–1970-х гг. представляют собой важный штрих к портрету писательницы и ее дружбе с советскими друзьями. А. Зегерс делится со своим «Стежи» и «пистолерито» соображениями относительно таких опасных вопросов, которые могли быть подняты только в личной переписке с очень близкими людьми. Одна из тем этих лет — Копелев и Эренбург. В 1960 г. началась, безусловно, интереснейшая переписка Зегерс с Л. Копелевым, которую можно проследить до 1974 г. Несмотря на то что Зегерс и советский германист быстро перешли на «ты», их отношения завершились разрывом в 1976 г., когда в ФРГ вышла книга Копелева «Хранить вечно» («Aufbewahren für alle Zeit», Hamburg: Hoffmann und Campe) с критикой действий советской армии весной 1945 г. при вхождении в Восточную Пруссию.

³¹ Зегерс — Аплетину, Берлин, 20.9.1955 // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1360. Л. 12. Пер. с нем. В. Стеженского.

27 февраля 1960 г. Копелев, работавший над предисловием к роману Зегерс «Транзит», впервые написал автору, получил ответ и включил значительную его часть в свой текст. Поскольку одно из первых писем было подписано Копелевым «человек транзита» («Transitmann»), Зегерс продолжила его так называть, словно предвидя будущую эмиграцию Копелева. Писательница не без иронии обыгрывала и любовь германиста к ее роману, и его определение «транзита» в написанном предисловии: «проезд через определенную территорию и вместе с тем — переход от одного состояния к другому» [2, с. 8]. Конфликт в отношениях был заложен изначально, к тому же он усиливался антагонизмом Копелева и Эренбурга. Письма Зегерс Копелеву и немногие сохранившиеся рукописные черновики писем Копелева писательнице показывают существенные мировоззренческие расхождения. Речь шла не только о несовпадении литературных предпочтений и взглядов на литературный процесс (Копелев любил Гёте, Зегерс признавалась ему, что Гёте ей совершенно не близок; Копелев считал литературу разделенной Германии единой, Зегерс доказывала невозможность такого единства), но и о совершенно разном восприятии жизни. Позицию Зегерс в первые годы их дружбы можно было бы выразить ее формулой, которую сохранили воспоминания Копелева и Р. Орловой: «Я с тобой не согласна, но я тебя люблю» [3, с. 96].

К 1965 г. «неприятные недоразумения» («Ärgernisse» [8, S. 448]) между Зегерс и Копелевым достигли такого уровня, что стали просачиваться в письма к третьим лицам (Стеженскому, Т. Мотылевой). В начале 1965 г. Зегерс просит Стеженского передать сердечный привет Копелеву с уточнением: «если вы еще не перессорились, т.к. у меня нет ни малейшего желания с ним ссориться» [8, S. 149]. В письме Стеженскому уже от 23 сентября 1965 г. Зегерс сообщает о «друзьях», «старом» и «молодом», имея в виду Эренбурга и Копелева, о, по всей видимости, уже упомянутой летней встрече с Копелевым в Берлине и конфликте с ним из-за Эренбурга, а также вышедшем переводе второй части мемуаров Эренбурга (которая ее потрясла) и советской критике:

Вы определенно вполне правы, когда говорите, что мой старый друг видит сегодня многие вещи иначе, чем раньше, и, возможно, даже уже в точности и не помнит, как он их раньше видел, или, и это вероятнее всего, он окончательно не разобрался в этих вещах и всегда смотрел на них по-разному. В сущности, такое было с каждым из вас. Я, по крайней мере, хотя я не принадлежу к поколению самых моло-

дых, не встречала никого, с кем бы это было по-другому. Что касается молодого друга, то я считаю верхом несдержанности, когда человек в присутствии двух людей, которых он видит впервые в жизни <...>, без всякого контроля выплескивает наружу все, что ему только что пришло в голову. Но дело не только в этом, меня корбило намного раньше — и, наверное, моей ошибкой было не открыть рот, — когда этот человек, который сам пережил столько неприятного, снова готов поверить всему, просто решительно всему <...>. У меня будет возможность все это ему сказать лично, и, само собой разумеется, мне было после очень жаль, что наши пути разошлись так резко. Вы, дорогой Стежи, именно Вы, знаете лучше других, что Вы все для меня значили и значите, и это напоминает мне одно довольно романтическое, но правильное изречение, которое мне где-то встретилось: «он же спутник моей юности, свидетель тяжелых лет, и если бы твоя любовь была такой же большой, имела бы крылья ангела и скорость урагана, она все равно не смогла бы одолеть тот путь, который проделала наша дружба». — Видите, у меня так же со многими из вас по сравнению с новыми живыми организмами, которые то и дело возникают рядом со мной. И поэтому также верно то, что старый друг ощущает: что совсем великие дела могли делаться только тогда, в то время, конечно, при этом страшные, но и великие, без которых мы определенно не могли бы выжить. Прошу Вас от всего сердца объяснить мне очень коротко — поскольку другие источники объясняют по-другому, — почему вы видите <у Эренбурга> меньше любви к правде, чем, например, у Твардовского? [8, S. 162].

За два года до этого, в 1963 г., Зегерс уже защищала Эренбурга: в беседе с советским послом в ГДР она высказала, хотя и в более сдержанной форме, примерно те же доводы, что и в письме Стеженскому. Это был смелый шаг со стороны писательницы, но ССП избегал любого конфликта, ограничивался лишь разъяснительными беседами через советского посла.

В сентябре 1966 г. состоялась одна из последних и самых приятных поездок А. Зегерс и Л. Радваньи в СССР. ССП связался с Союзом писателей Армении и организовал для них отдых в одном из лучших домов творчества. Зегерс, судя по переписке, не смогла увидеться с Эренбургом, однако Иностранная комиссия устроила ей встречу с Г. Бёллем, личностью и произведениями которого писательница давно интересовалась. В мае 1967 г. она в последний раз была в Советском Союзе — на Четвертом съезде советских писателей (22–27 мая 1967 г.), который в письме к Эренбургу иронично

был назван «кордебалетом»³². Понимая, тем не менее, что это одно из последних посещений, Зегерс в своей речи вспомнила о первых впечатлениях и подытожила, что за почти четыре десятилетия ее отношение к СССР не изменилось: «Я ехала в страну, о которой уже слышала от друзей, что там люди и вещи раскрываются в совершенно особом свете. И пусть тогда там еще были и беспризорные, и голод, и холод, и вообще немало плохого, — свет этой страны необычайно сильно воздействовал на меня, и это воздействие длится всю жизнь»³³.

Встреча с Эренбургом снова не состоялась.

О его смерти в конце августа 1967 г. А. Зегерс узнала из австрийской газеты во время отпуска в Тироле. Успеть на похороны — сначала надо было добраться до Вены — было уже невозможно. В двух письмах, в которых она рассказывала Стеженскому (от 13 сентября 1967 г.) и Копелеву (от 19 октября 1967 г.) о своем приятном отдыхе с семьей и предстоящей работе, она отвела этому потрясшему ее событию всего несколько фраз: в письме Стеженскому — в лирической манере:

Он сочинил стихотворение о наступившем мире, о том, как две души, которые во время войны были близки, внезапно расстаются <...>. Ну, его-то я точно узнаю всегда, где бы ни произошла встреча.

Вы точно сейчас думаете: Анна чудит в своей тирольской деревне. Да! Наверное [8, S. 188],

в письме Копелеву — в полемической:

Могу себе представить: тогда тебя это тоже взволновало и сейчас ты правильное понимаешь то, что ты до этого в нем не понимал. Об этом нам надо будет с тобой как-нибудь поговорить. Твое восприятие его взглядов в его великолепных мемуарах, с моей точки зрения, тоже было неправильным³⁴.

Смерть Эренбурга примирила на некоторое время Копелева и А. Зегерс: молодой друг написал письмо с соболезнованиями, которые были безоговорочно приняты писательницей.

³² Anna Seghers an I.G. Ehrenburg, Berlin, 7.5.1967 // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 1586. Л. 39. Пер. с франц. наш.

³³ Четвертый съезд писателей СССР 22–27 мая 1967 г. Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1968. С. 114.

³⁴ Anna Seghers an L. Kopelev, Berlin, 19.10.1967 // РГАЛИ. Ф. 2549. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 15. Пер. с нем. наш.

Последующие годы А. Зегерс много болела, путешествия были ей уже не по силам, и в 1969 г. она не смогла осуществить свою давнюю мечту — посетить Москву вместе со всеми членами своей семьи, — несмотря на приглашение ССП. Продолжался постоянный обмен письмами с Т. Мотылевой и В. Стеженским. Последнее письмо к Стеженскому, включенное в издание К. Цель Ромеро, датировано 26 марта 1974 г. В нем 74-летняя писательница, вспоминая последнюю встречу в Берлине, разубеждает своего «пистолеро» в том, что в их дружбе что-то могло измениться: «Это неправда. Мы знаем друг друга с приснопамятных времен» [8, S. 251].

Книга Т. Мотылевой «Анна Зегерс. Личность и творчество» была сдана в печать еще при жизни писательницы, но вышла через год после ее смерти. Т. Мотылева навещала Зегерс, которая была «живой личностью, дорогим ей человеком, знакомым в течение долгих лет по встречам, переписке, обмену мыслями» [4, с. 4] практически до конца жизни писательницы.

Дружба Анны Зегерс с ССП, включавшая и официальные, и частные отношения, — одно из самых интересных явлений в истории советско-германских послевоенных контактов, а советская мечта писательницы, преодолевшая политические и идеологические хитросплетения второй половины XX в. — безусловно, один из редких случаев в биографиях «друзей Советского Союза».

Литература

1. Вагнер Ф. «На пустом месте, по-новому». Образ России и Советского Союза глазами Анны Зегерс // Россия и Германия в XX веке: в 3 т. / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Фольперт. М.: АИРО-XXI, 2010. Т. 3: Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 г. С. 690–719.
2. Копелев Л.З. Победа над страхом и одиночеством // Зегерс А. Транзит / пер. Л. Лунгиной. М.: ГИХЛ, 1961. С. 5–19.
3. Копелев Л.З., Орлова Р.Д. Мы жили в Москве: 1956–1980. М.: Книга, 1990. 447 с.
4. Мотылева Т.Л. Анна Зегерс. Личность и творчество. М.: Худож. лит., 1984. 399 с.
5. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты 1945–1949: сб. документов / отв. ред., сост. Н.П. Тимофеева, Я. Фойтшиг. М., РОССПЭН, 2006. 976 с.
6. Седельник В.Д. Анна Зегерс и русские (советские) писатели // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 451–469.

7. *Seghers A.* Briefe: 1924–1952 / Hrsg. Von Ch. Zehl Romero. Berlin: Aufbau Verlag, 2008. 747 S.
8. *Seghers A.* Briefe: 1953–1983 / Hrsg. Von Ch. Zehl Romero. Berlin: Aufbau Verlag, 2010. 645 S.
9. *Radanyi P.* Jenseits des Stroms. Erinnerungen an meine Mutter Anna Seghers. Berlin: Aufbau Verlag, 2006. 153 S.

Research Article

“You Are My Best Friends in the Whole World”: Anna Seghers and the Soviet Writers’ Union

© 2025. Anna V. Dobryashkina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgement: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00393 “Russia / USSR and the West: A Counter View. Literature in the Context of Culture and Politics in the 20th Century” (<https://rscf.ru/project/23-18-00393/>).

Abstract: The writer Anna Seghers (1900–1983) is a crucial figure in the literature of the GDR and a major participant in the post-war Soviet-German dialogue. Until recently, researchers, both German and Russian, had little interest in her. In German, the American Germanist of Austrian origin K. Zehl Romero published her most complete biography and two volumes of selected letters. In Russian German studies, there are no fundamental studies of the life and work of Seghers. This article presents the history of Seghers’s relations with the Soviet Writers’ Union in the post-war period. Seghers regularly came to the USSR at the invitation of the SWU, the Committee for International Lenin Prizes, or on her initiative, not only for creative purposes but also for recreation and treatment. The writer corresponded with a large number of Soviet authors and literary scholars (T.L. Motyleva, L. Kopelev, V. Stezhensky, I. Ehrenburg, et al.). The collaboration between the German writer and the SWU was defined by both parties as “friendship.” Based on letters preserved in two archives (in the Moscow RGALI and the Berlin Anna-Seghers-Archive), the article examines the main lines of the writer’s relations with her Soviet colleagues. Despite the fact that in the history of post-war Soviet-German contacts the concept of friendship, being the ideological dominant of the cultural policy of the USSR, meant business partnership, the author of the article comes to the conclusion about truly warm and trusting relations between Seghers and her Soviet friends.

Keywords: Anna Seghers, T. Motyleva, I. Ehrenburg, L. Kopelev, V. Stezhensky, intercultural communication, Soviet Writers’ Union, Foreign Commission, Society for German-Soviet Friendship.

Information about the author: Anna V. Dobryashkina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>

E-mail: annica@list.ru

For citation: Dobryashkina, A.V. “‘You Are My Best Friends in the Whole World’: Anna Seghers and the Soviet Writers’ Union.” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 253–273. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-36-253-273>

References

1. Vagner, F. “‘Na pustom meste, po-novomu’. Obraz Rossii i Sovetskogo Soiuza glazami Anny Seghers” [“‘From Scratch, in a New Way’. The Image of Russia and the Soviet Union through the Eyes of Anna Zegers”]. In *Rossiia i Germaniia v XX veke [Russia and Germany in the 20th Century]*, vol. 3: Ottepel’, pokholodanie i upravliaemyi dialog. Russkie i nemtsy posle 1945 [Thaw, Frost and Guided Dialogue. Russians and Germans after 1945], ed. K. Eimermacher, G. Bordiugov, and A. Volpert. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2010, pp. 690–719. (In Russ.)
2. Kopelev, L.Z. “Pobeda nad strakhom i odinochestvom” [“Victory over Fear and Loneliness”]. Zegers, A. *Tranzit [Tranzit]*, trans. by L. Lungina. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’sтво khudozhestvennoi literatury Publ., 1961, pp. 5–19. (In Russ.)
3. Kopelev, L.Z., and R.D. Orlova. *My zhili v Moskve: 1956–1980 [We Lived in Moscow: 1956–1980]*. Moscow, Kniga Publ., 1990. 447 p. (In Russ.)
4. Motyleva, T.L. Anna Seghers. Lichnost’ i tvorchestvo [Anna Seghers. Personality and Work]. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ., 1984. (In Russ.)
5. Timofeeva, N.P., and Ia. Foittsig, editors. *Politika SVAG v oblasti kul’turny, nauki i obrazovaniia: tseli, metody, rezul’taty 1945–1949: sbornik dokumentov [SMAG’s Policy in the Field of Science, Art, and Education: Goals, Methods, Results 1945–1949: Collection of Documents]*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 976 p. (In Russ.)
6. Sedel’nik, V.D. “Anna Zegers i russkie (sovetskie) pisateli” [“Anna Seghers and Russian (Soviet) Writers”]. Kudriavtseva, T.V., editor. *Rossiia — Germaniia: literaturnye vstrechi (1880–1945) [Rossiia and Germany: Literary Encounters (1880–1945)]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 451–469. (In Russ.)
7. Seghers, Anna. *Briefe: 1924–1952*, Hrsg. von Ch. Zehl Romero. Berlin, Aufbau Verlag, 2008. 747 S. (In German)
8. Seghers, Anna. *Briefe: 1953–1983*, Hrsg. Von Ch. Zehl Romero. Berlin, Aufbau Verlag, 2010. 645 S. (In German)
9. Radvanyi, Pierre. *Jenseits des Stroms. Erinnerungen an meine Mutter Anna Seghers*. Berlin, Aufbau Verlag, 2006. 153 S. (In German)

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025

Одобрена после рецензирования: 26.04.2025

Дата публикации: 25.06.2025

The article was submitted: 18.03.2025

Approved after reviewing: 26.04.2025

Date of publication: 25.06.2025